

МОГИЛЫ ДВУХЪ КОШЕВЫХЪ АТАМАНОВЪ.

Занимаясь уже втеченіе многихъ лѣтъ собираніемъ вещественныхъ памятниковъ, оставшихся отъ времени запорожскихъ казаковъ, я, между прочимъ, наткнулся на два могильныхъ памятника, скрывающихъ подъ собою прахъ двухъ замѣчательныхъ кошевыхъ атамановъ запорожскаго низоваго войска, Ивана Сирка и Константина Головка. Первый памятникъ находится въ деревнѣ Капуливкѣ, или Капыловкѣ, Екатеринославской губерніи и уѣзда, гдѣ была у запорожцевъ Чортомлыцкая, или такъ называемая Старая Сича, а второй стоитъ въ хуторѣ Консуловкѣ, или Разоровкѣ, Херсонской губерніи и уѣзда, въ имѣніи землевладѣльца М. Ѳ. Огаркова, на мѣстѣ Каменской Сичи.

Кошевой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко—колоссальнѣйшая личность угасшаго запорожскаго казачества. Это одинъ изъ тѣхъ «рыцарей, завзятыхъ и никѣмъ не донятыхъ, неустрашимыхъ, и никѣмъ неодолимыхъ, закаленныхъ и никѣмъ непобѣжденныхъ», которые нѣкогда были предметомъ общаго удивленія и которые служили примѣромъ живаго подражанія. Выступивъ сперва въ должности кальницкаго полковника, Иванъ Сирко затѣмъ, съ 1663 года, былъ избранъ запорожцами въ кошевые атаманы и занималъ этотъ высокій у казаковъ постъ втеченіе осьми лѣтъ, чего до него изъ вѣка вѣковъ не было, такъ какъ запорожцы выбирали всю свою старшину только на одинъ годъ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ и меньше чѣмъ на годъ. Мужественный, храбрый, удивительно отважный, замѣчательно предпріимчивый, въ высшей степени подвижный, Сирко вѣчно воевалъ если не съ татарами, то съ турками, если не съ турками, то съ поляками, а если не съ поляками, то съ русскими. И враги страшно боялись его. На татаръ, напримѣръ,

онъ наводилъ такой страхъ, что они отъ него, точно отъ гончей собаки зайцы, бѣжали безъ оглядки. «Собака! чистая собака! Сирко! настоящій Сирко!»—говорили объ немъ украинцы. «Орелъ, чистый орелъ! Вихорь, буйный вихорь!»—отзывались объ немъ запорожцы.

«Ой якъ крикне старый орелъ,
Шо пидъ хмары вьетця,
Гей загуло Запорожье,
Бо до Сирка тистця.
Ой не витеръ въ поли грае,
Не орелъ витае, —
Отожъ Сирко съ товариствомъ
По степу гуляе»...

«Шайтанъ! Урусъ-шайтанъ, чортъ! Русскій чортъ!»—кричали въ испугѣ, завидя Сирко, татары, спѣшившіе скрыться отъ него въ лѣсъ, пещеры или высокія горы. Татарамъ Сирко былъ такъ страшенъ, что его именемъ татарки унимали своихъ плаксивыхъ дѣтей; а туркамъ онъ такъ уѣлся, что самъ султанъ издалъ указъ молиться въ мечетяхъ о погибели Сирка. Но, отличаясь такимъ мужествомъ и такою неустрашимостью, самъ Сирко считалъ сраженіе игрушкой, шелъ на битву съ небольшимъ отрядомъ запорожцевъ, всегда гнушался всякаго корыстолюбія и отличался замѣчательнымъ великодушіемъ. Оттого всю добычу свою онъ раздавалъ казакамъ; оттого же къ нему обращались на судъ даже сами враги его. «Какъ Сирко разсудитъ, такъ тому и быть». Враги находили у Сирка защиту даже въ томъ случаѣ, когда у другихъ и соотечественники не могли найдти правды. Однажды, запорожцы пограбили татарскій аулъ и угнали изъ него скотъ. Тогда въ станъ Сирка пришла татарка и стала жаловаться на то, что у нея нечѣмъ кормить малыхъ дѣтей, потому что казаки увезли ея корову. Сирко велѣлъ возвратить татаркѣ корову, причемъ объявилъ, что когда корова перестанетъ давать молоко, то чтобы казаки кормили дѣтей татарки молокомъ своихъ коровъ. Сверхъ этого, Сирко подарилъ матеріи для дѣтей татарки и съ миромъ отпустилъ ее въ аулъ. Отличаясь мужествомъ, безкорыстіемъ и примѣрнымъ великодушіемъ, Сирко, какъ истинный малороссъ, да еще запорожецъ, отличался и необыкновенною склонностью къ юмору и вмѣстѣ съ тѣмъ большою глубокомысленностью своихъ замѣчаній. «Когда бы и чортъ, пане гетмане,—писалъ онъ Самойловичу по поводу упрека гетмана, зачѣмъ Сирко вступилъ въ борьбу съ татарами,—когда бы и самъ чортъ, пане гетмане, помогалъ людямъ въ крайней ихъ нуждѣ, то брезговати тимъ не годится; бо кажуть люде: нужда законъ зминяе». Въ этомъ же отвѣтѣ Сирко оказалась характерная черта всего Запорожья: оно было гульливо какъ морская волна, свободно какъ морской вѣтеръ, непостоянно какъ капризная красавица. Такимъ непостоянствомъ отличался и Сирко.

Подвиги Сирка и его личныя качества—воинственность, безстрашность, безкорыстіе, великодушіе и острота ума сдѣлали его въ высшей степени популярнымъ человѣкомъ своего времени и были причиной того, что уже тотчасъ послѣ его смерти объ немъ стали ходить разныя легенды. Такъ, историкъ Мышецкій передаетъ, что запорожцы, послѣ смерти Сирко, пять лѣтъ возили въ гробу тѣло своего атамана, имѣя повѣрье, что съ нимъ, даже мертвымъ, можно всегда одолѣть враговъ. Сирка, умеръ въ 1680 году, 1-го августа, въ собственной пасѣкѣ, въ Грушевкѣ [1]). Малороссійскій историкъ, Самоилъ Величко, говоритъ, что Сирко скончался «немного поболѣвши, въ Грушовцѣ въ пасѣцѣ», что запорожцы послѣ смерти атамана препроводили тѣло его въ Сичу водою и похоронили за Сичею, въ полѣ, противъ московскаго окопа, гдѣ всѣхъ вообще казаковъ погребали, «съ мушкетною и армашною стрѣльбою» и съ великою жалостію насыпали надъ прахомъ умершаго могилу, на могилѣ поставили каменный крестъ съ надлежащимъ именемъ и съ пропиской его дѣлъ. Очень любя своего атамана и почитая его за отца, запорожцы во время похоронъ глубоко сожалѣли о немъ [2]).

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а Сирка и до сихъ поръ не забыли на Украйнѣ. Говорятъ, что равнаго ему не было да и не будетъ въ цѣломъ свѣтѣ, и онъ самъ хорошо зналъ это. Оттого умирая онъ далъ завѣщаніе не хоронить около себя никого. «Хто ляже наровни зо мною, то ще братъ, а хто передъ мною, той проклятъ». Говорятъ, что Сирко даже не умеръ, а гдѣ-то бродитъ по свѣту, незримо воюясь съ врагами. Говорятъ, что запорожцы отрѣзали у него руку, послѣ смерти, засушили ее и постоянно возили съ собой на войну. «Стойте, молодцы, душа и рука Сирка съ нами!»—кричали они, когда видѣли, что товарищи подавались назадъ отъ натиска враговъ, и тогда враги, услыша имя Сирка, какъ бѣшеные, обращались въ бѣгство. Говорятъ также, что Сирку и самъ чортъ не братъ былъ. Какъ-то шелъ Сирко по-надъ рѣкою, у которой тогда стояла Чартомлыцкая Сича. Идетъ Сирко, ажъ гулькъ! а въ рѣчкѣ плещется чортъ. Сирко выхватилъ изъ-за пояса пистоль и, не мигнувъ бровью, положилъ на мѣстѣ бѣса. Оттого и рѣчка стала называться Чартомлыномъ: «Въ ней чортъ только млыкнулъ послѣ выстрѣла Сирка».

Много лѣтъ прошло, а имя Сирка до сихъ поръ сохранилось въ народѣ, сохранился и его памятникъ. Памятникъ этотъ стоитъ въ дер. Капуливкѣ, въ огородѣ крестьянина Николы Мазая, и имѣетъ видъ узкой плиты, или, правильнѣе, конуса, сверху усѣченнаго,

[1]) Намъ кажется, что эта «Грушевка» есть теперешнее село Голая Грушевка, Екатеринославскаго уѣзда; по крайней мѣрѣ, въ Голой Грушевкѣ и теперь у помѣщика Шишкина есть цѣлое урочище, которое называется Сиркӥвка, гдѣ у него искони существуетъ посѣка.

[2]) Лѣтопись С. Величка, Кіевъ, 1851 года, ч. II, стр. 497.

книзу болѣе утолщеннаго и болѣе расширеннаго, чѣмъ кверху. Онъ высѣченъ изъ песчаника и поставленъ на небольшомъ изъ такого же камня, въ видѣ саркофага, пьедесталѣ; высота его безъ полутора вершка два аршина, толщина — четверть аршина, ширина — внизу пять четвертей, вверху — двѣ четверти. Онъ стоитъ на небольшомъ холмикѣ, обсаженномъ кудрявыми шелковицами и серебристыми тополями. На самомъ верху имѣетъ маленькое углуб-

Намогильный памятникъ кошеваго атамана Сирка.

леніе, какъ нужно думать, для бывшаго, но теперь невѣдомо кѣмъ снятаго креста; съ восточной стороны памятника высѣчено распятіе Христа съ обычными при этомъ буквами I. Н. Ц. I. и проч., съ западной стороны сдѣлана слѣдующая надпись:

„Р в̃ аχ̅п мaѧ д прeстависю рабъ Бо Иоань Сѣрько Дмитрови атамань кошовий воска запорозкого за єго... И Ц В Феωдора Алєзѣвича паміат праведнаго со похвалами“.

То есть: «Року Божого 1680 мая 4 преставися рабъ Божій Иоанъ Сѣрько Дмитрови(-чъ) атаманъ(-ъ) кошовий во(-й)ска запорозкого за его царскаго пресвѣтлаго величества (здѣсь памятникъ поврежденъ, видны только буквы И П Ѩ) Феодора Алексѣвича (.) Память праведнаго со похвалами» [1]). Кромѣ этихъ словъ, есть еще какія-то слова, сдѣланныя по бокамъ памятника, но отъ времени они сильно попорчены и разобрать ихъ нѣтъ никакой возможности.

Сравнивая надпись, сдѣланную на могильномъ крестѣ Сирка съ приведенными выше словами малороссійскаго лѣтописца Самоила Величка, мы находимъ небольшую разницу въ показаніи времени смерти Ивана Сирка. Намогильная надпись гласитъ, что Сирко скончался 1680 года, 4 мая, между тѣмъ, какъ Величко утверждаетъ, что Сирко умеръ 1680 года, 1 августа. Какъ согласить подобную разницу и чему больше довѣрять? Намъ кажется, что показаніе С. Величка болѣе подходитъ къ истинѣ, чѣмъ показаніе намогильной надписи; тѣмъ болѣе, что съ показаніемъ малороссійскаго лѣтописца совершенно совпадаетъ свидѣтельство преемника Сирка, кошеваго атамана Ивана Стягайла. Свидѣтельство это заключается въ письмѣ Стягайла [2]) къ полковнику Василію Перхурову «о смерти кошеваго атамана Ивана Сѣрка, перваго августа воспослѣдовавшей». Послѣ этого остается предположить, что на памятникѣ Сирка, допущена ошибка въ показаніи смерти его. Но возможно ли это? Возможно только въ томъ случаѣ, если допустить, что настоящій памятникъ поставленъ не современниками Сирка, а послѣдующимъ поколѣніемъ. Допустить же подобную мысль возможно въ виду того, что вся Чортомлыцкая Сича въ 1709 году была разрушена русскими войсками, мстившими запорожскимъ казакамъ за ихъ измѣну царю Петру Первому. Тогда, по свидѣтельству современныхъ лѣтописцевъ, много было истреблено вещественныхъ памятниковъ Запорожья, причемъ, можетъ быть, былъ истребленъ и памятникъ Сирка. Впослѣдствіи запорожцы, получившіе прощеніе и воротившіеся снова въ Россію, могли соорудить новый памятникъ надъ могилой Сирка, но, дѣлая надпись на немъ, ошиблись въ числѣ и мѣсяцѣ смерти бывшаго ихъ кошеваго.

Кошевой атаманъ Константинъ Гордѣевичъ Головко, иначе Гордіенко, былъ менѣе крупный дѣятель Запорожья, чѣмъ Иванъ

---

[1]) Вмѣсто словъ «Память праведнаго со похвалами» г. Скальковскій прочелъ: «Памятникъ отъ всего посполъства». См. «Исторію Новой Сѣчи», Одесса, 1886, ч. III, стр. 262. Но у того же г. Скальковскаго, на страницѣ 255, есть и такой курьезъ: «Здѣсь опочиваетъ рабъ Божій Онисько Пѣсъ»... вмѣсто: «Зде опочиваетъ рабъ Божій іоанъ кап исъ»... Татарское слово «кабызъ» (оттуда «кобза») онъ принялъ за русское «пѣсъ».

[2]) Письмо хранится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, подъ 1680 годомъ, августа 9-го, № 20, связка № 55.

Сирко, но все же доблестью, мужествомъ и воинственнымъ духомъ онъ превосходилъ многихъ изъ своихъ собратій запорожцевъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло: въ Сичи непутевый человѣкъ не могъ быть кошевымъ атаманомъ. О происхожденіи Головка лѣтопись знаетъ, что онъ былъ сынъ какого-то Головка [1]); но историкъ «Новой Сѣчи» увѣряетъ, что онъ былъ потомокъ волынскаго дворянина Гординскаго, или Городецкаго, родомъ полякъ, однако, человѣкъ православной вѣры [2]). Отрекшись отъ своихъ «дѣдичныхъ грунтовъ», Константинъ Головко перешелъ на Запорожье и тутъ съ 1702 года избранъ былъ въ кошевые атаманы, удерживая это званіе за собой послѣдовательно семь лѣтъ. Въ Сичи онъ приписался къ Платнѣровскому куреню и прославился какъ замѣчательно храбрый и неустрашимый атаманъ.

«Ой, Гордіе́нку, сыне степовый!
Не вдавсь противъ те́бе
И Дорошенко кошовый».

Но не такъ сдѣлали извѣстнымъ Головка его подвиги между запорожскими казаками, какъ его измѣна русскому царю, Петру Первому, передъ Полтавской битвой. Находясь въ тайной перепискѣ съ гетманомъ малороссійскихъ казаковъ, Иваномъ Степановичемъ Мазепой, еще задолго до 1709 года, Головка, вмѣстѣ съ Мазепой, держалъ сторону противника Петра, шведскаго короля Карла XII. И когда Карлъ XII пришелъ въ Малороссію, то Головко поспѣшилъ явиться къ нему съ 8,000 запорожцевъ, чтобы идти за одно съ королемъ и гетманомъ противъ московскаго царя. Соединеніе произошло въ мѣстечкѣ Будищахъ Полтавской губерніи и уѣзда. Однако, замыслы союзниковъ не удались, и послѣ несчастной для нихъ битвы подъ Полтавой, въ 1709 году, Головко, вмѣстѣ съ Карломъ и Мазепой, бѣжалъ въ предѣлы Турціи, гдѣ еще въ 1710 году считался кошевымъ атаманомъ запорожскихъ казаковъ, удержавъ это званіе, какъ можно видѣть изъ «Лѣтописи» Ригельмана, съ промежутками, до 1715 года [3]). Константинъ Головко пережилъ Мазепу двадцатью тремя годами и послѣ смерти былъ погребенъ въ основанной имъ Сичи Каменской, находившейся въ то время въ предѣлахъ турецкаго султана. Запорожцы насыпали надъ прахомъ Головки высокую могилу, а близь нея поставили большой крестъ.

Эта могила, такъ же какъ и крестъ, сохранилась и по настоящее время. Она представляетъ изъ себя средней величины холмъ, имѣющій въ окружности 20 саженъ, черезъ вершину два съ половиной (выше, чѣмъ надъ прахомъ Сирка), у основанія котораго,

[1]) Мышецкій. Исторія о казакахъ запорож., Одесса, 1852, стр. 11.
[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885 года, ч. II, стр. 19.
[3]) Лѣтописн. повѣств. о Малой Россіи, Москва, 1847 года, ч. III, стр. 97—113.

съ южной стороны, поставленъ песчанниковый крестъ, высоты въ два аршина и двѣ четверти, толщины въ полъ-аршина. Съ восточной стороны на крестѣ изображено распятіе и ниже распятія помѣщена казацкая арматура: копья, сабли, литавры и пушки на небольшихъ колесахъ. Съ западной стороны, въ самомъ верху, высѣчена фаза луны, возлѣ луны выбитъ крестъ и цвѣтокъ, а ниже помѣщена слѣдующая надпись:

Намогильный крестъ кошеваго атамана Гордіенка.

„Во ймѧ Оца̃ й Сн̃а и Ст̃го Дх̃а Зде опочиваетъ рабъ Бж̃ій Константин Гордѣевич атамонъ кошовый: славнаго войскоа Запорозкого низового а҆ куренѧ платнѣровского:. претсвисѧ рокꙋ а҂ѱлг маѧ д числа“.

То есть: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа (.) Зде опочиваетъ рабъ Божій Константинъ Гордѣевичъ, атаманъ кошовый:

славнаго войска запорозкого низового (,) а куреня Платнѣровскаго: преставися року 1733 мая 4 числа» [1]).

Могила насыпана у праваго берега Днѣпра и открываетъ съ вершины своей чудный видъ на роскошный и полноводный Днѣпръ, несущій свои воды вдоль зеленыхъ и лѣсистыхъ плавенъ въ широкій лиманъ. Въ ста шагахъ южнѣе отъ мѣста погребенія Головка лежатъ остатки куреней бывшей Каменской Сичи, а въ трехъстахъ шагахъ западнѣе отъ могилы стоитъ усадьба землевладѣльца Михаила Ѳедоровича Огаркова, такъ называемый хуторъ Консуловка, или Разоровка, доставшаяся ему, послѣ купли, отъ землевладѣльца Константинова, но получившая свое названіе отъ консула Разоровича, одного изъ первыхъ владѣльцевъ хутора. Такъ, время измѣнило и людей, и порядки людскіе. Но «родъ приходитъ, родъ преходитъ, а земля стоитъ»...

Д. И. Эварницкій.

[1]) Къ сожалѣнію, и эта надпись у Скальковскаго (тамъ же, стр. 20) передана невѣрно, вмѣсто „АѰЛГ“ онъ прочелъ „АѰЛ“, и вышло не 1733 годъ, а 1730, а о мѣсяцѣ онъ даже и не знаетъ.